

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Округ Коос,
штат Нью-Гэмпшир,
1954 год

Глава 1

ПОД БРЕВНАМИ

Юный канадец, которому вряд ли было больше пятнадцати, замешкался и упустил момент. Его ноги словно приросли к бревнам, что плыли по излучине реки, и в следующее мгновение парень уже скрылся под водой. Это случилось раньше, чем сплавщики успели схватить его протянутую руку. Один из них попытался поймать парня за длинные волосы. Пальцы сплавщика шарили в холодной воде, похожей на густой суп из-за плавающей в ней разбухшей коры. Затем руку потенциального спасителя с двух сторон сжало бревнами, которые столкнулись и сломали ему запястье. «Крыша» из движущихся бревен окончательно сомкнулась над головой юного канадца. Больше его не видели. Над бурой поверхностью так и не показалась ни рука, ни нога упавшего в воду парня.

Когда на заторе отпускают стопорящее бревно, тут только успевай шевелиться. Останавливаться нельзя даже на секунду — не заметишь, как швырнет в воду. При сплаве леса зазевавшегося иногда убивало движущимися бревнами раньше, чем он тонул. Но все же чаще люди просто тонули.

Повар и его двенадцатилетний сын слышали долетавшие с реки ругательства сплавщика, которому сломало запястье. Оба сразу поняли: с кем-то случилась беда, и гораздо серьезнее, чем сломанная рука. Как-никак покалечившийся сплавщик сумел вытащить руку и устоять на скользких бревнах. Другим сплавщикам было не до него: они быстрыми шажками двигались к берегу, выкрикивая имя исчезнувшего парня. Сплавщики то и дело цепляли бревна баграми, создавая себе «тропки». Их прежде всего заботило, как бы поскорее и без

приключений добраться до берега, но сын повара надеялся, что они попытаются расчистить «окошко» и тем самым позволить юному канадцу всплыть. Щели между бревнами появлялись лишь на мгновение, и бревна тут же смыкались вновь. Парень, называвший себя Эйнджелом Поупом из Торонто, уже не имел шансов вынырнуть.

— Так это Эйнджел? — спросил повара его двенадцатилетний сын.

Мальчишку с темно-карими глазами и не по-детски серьезным лицом ошибочно могли бы принять за младшего брата Эйнджела. Но всем сразу было понятно, чей он сын. Та же серьезность, та же внимательность, что и у его вечно настороженного отца. На лице повара отражалось сдержанное опасение, будто он привык предвидеть самые невероятные бедствия. Отчасти это опасение отражалось и на лице его сына. Мальчишка был настолько похож на отца, что некоторые лесорубы удивлялись, почему он не унаследовал от повара сильную хромоту.

Повар был уверен: под бревна угодил не кто иной, как юный канадец. И не кто иной, как он, повар, предостерегал сплавщиков, что Эйнджел еще слишком молод для работы на сплаве и что его нельзя пускать на бревна, когда затор готовят к путешествию по реке. Но парню, видимо, очень хотелось помочь сплавщикам, а может, они и заметили-то его не сразу.

По мнению повара, Эйнджел Поуп был слишком молод (и неуклюж) и для работы на лесопилке. Распиловщик — профессия, которая требует особого умения и опыта. Да и к строгальному станку пускать его было нельзя: там тоже требуется умение, хотя опасности меньше.

Наиболее опасными и наименее квалифицированными считались работа на площадке для разгрузки бревен, где бревна подавались к распиловочному станку, а также выгрузка бревен с машин. Пока не появились механические погрузчики, у грузовиков-лесовозов просто откидывали борт, и вся масса бревен с грохотом скатывалась вниз. Но случалось, борт заклинивало, тогда рабочие выбивали задвижки и не всегда успевали отскочить в сторону.

Повар утверждал: Эйнджелу не место вблизи движущихся бревен, будь то на берегу или на реке. Но парня все любили (повар с сыном не были исключением) и поддались на его уговоры. Эйнджел ныл, что работать на кухне ему скучно. Там жарко и душно, а ему нравится настоящий мужской труд на свежем воздухе.

На время глухой стук багров умолк. Сплавщики заметили багор Эйнджела более чем в пятидесяти ярдах от места исчезновения парня. Течение реки уносило пятнадцатифутовый багор прочь от затора.

Меж тем сплавщик со сломанным запястьем выбрался на берег, держа здоровой рукой свой багор. Знакомые ругательства и такие же знакомые косматые волосы и спутанная борода свидетельствовали, что покалечился Кетчум — отнюдь не новичок в сплавном деле.

Был апрель. Не так давно растаял последний снег, обнажив вязкую, раскисшую землю. И лед на реке тоже начал ломаться совсем недавно. Первые бревна, вмерзшие в него, теперь вырывались на свободу и неслись в сторону Даммерских прудов. Река вздыбливалась, а вода в ней была ледяной. Многие лесорубы носили длинные волосы и отпускали бороду. Это давало хоть какую-то защиту от холода зимой и от мошкары, начинавшей бесчинствовать с середины мая.

Кетчум лежал на спине, похожий на медведя, выброшенного на берег рекой. Мимо плыли бревна. Затвор чем-то напоминал спасательный плот, а сплавщики — матросов, потерпевших кораблекрушение. Только морская вода не меняла так стремительно свой цвет с зеленовато-коричневого на иссиня-черный. Вода в реке Извилистой была щедро окрашена танином.

— Ну и задница же ты, Эйнджел! — кричал Кетчум. — Говорил тебе: «Не стой на месте. Шевели ногами. Постоянно двигайся!» Черт бы тебя подрал!

Увы, массивный затвор бревен не оказался для Эйнджела спасательным плотом. Парень наверняка утонул: либо сразу, либо его, еще живого, сначала изуродовало бревнами на стремнине вблизи излучины. Сплавщики (и Кетчум в их числе)

обычно сопровождали массив бревен до того места, где Извилистая впадала в Понтукское водохранилище, перегороженное плотиной Покойницы. Это водохранилище находилось неподалеку. Когда бревна отправлялись в вольное плавание по реке Андроскоггин, рано или поздно они попадали за Миланом¹ в сортировочные ворота. В районе Берлина² перепад высот на трехмильном отрезке составлял двести футов. Казалось, бумажные фабрики Берлина превращали реку в сплошные сортировочные ворота. Туда попадало все, что плыло по реке. Вполне вероятно, что туда же теперь держало путь и тело Эйнджела Поупа из Торонто.

Наступил вечер. Сегодня почти никто из лесорубов не пришел ужинать. Еда в тарелках давно остыла, и повар с сыном собирали в кастрюли то, что можно было пустить на завтрашний обед и ужин. Помещение столовой было довольно скромным, как и поселок, названный по имени реки Извилистым и лишь немногим отличавшийся от передвижного лагеря лесозаготовителей. Не так уж давно здесь и такой столовой не было. Все кухонное хозяйство помещалось на двух грузовиках. Один занимала собственно кухня, а другой — разборная столовая. Оба грузовика двигались вслед за рабочими.

В те времена лесорубы и сплавщики возвращались в поселок лишь по выходным. Лагерный повар зачастую готовил еду в палатке. Все оборудование должно было быстро разбираться и так же быстро собираться на другом месте. Даже спальные домики монтировались на кузовах грузовиков.

Поселок Извилистый находился на пути к Даммерским прудам. Он не разрастался, и о дальнейшей его судьбе приходилось только гадать. В поселке жили рабочие лесопилки и их семьи. Здесь же стояли бараки лесозаготовительной компании, в которых по большей части жили сезонные рабочие: франкоканадцы, приехавшие на заработки, а также некоторые лесорубы и сплавщики. Для них лесозаготовительная

---

¹ Городок в округе Коос.

² Город на реке Андроскоггин.

компания выстроила столовую — барачного типа здание. Там же, на втором этаже, жили повар и его сын. Но сколько еще протянет Извилистый? Этого не знал даже владелец компании.

Лесная промышленность переживала времена перемен. Все шло к тому, чтобы лесорубы больше не кочевали по полянкам, а жили оседло и ездили бы туда на работу. Передвижные лагеря и поселки вроде Извилистого вымирали. Исчезали и сами ваниганы¹ — лачуги, где спали, ели и хранили инструменты и личные вещи. Ваниганы ставили на грузовиках, гусеничных тягачах, а нередко и на плотках и лодках.

Индианка, работавшая у повара посудомойкой, когда-то давно рассказывала его сыну, что «ваниган» — слово из языка индейцев племени абнаки. Может, она сама была из племени абнаки? А может, просто где-то вычитала, откуда происходит это слово, или придумала сама. Мальчишка-индеец, учившийся в одном классе с сыном повара, утверждал, что слово «ваниган» имеет алгонкинское происхождение.

Рабочий день на лесозаготовках и сплаве длился от зари до зари. По условиям найма кормить рабочих полагалось четыре раза. Ланч и обед им привозили прямо на место работы, а завтракали и ужинали они в столовой. Но сегодня, из-за беды с Эйнджелом, многие рабочие не пришли на ужин. Конечно, они уже не надеялись найти парня живым, но что-то не отпускало их с реки. Выгнала их оттуда темнота и противное чувство неопределенности. Никто из сплавщиков не знал, открыта ли плотина Покойницы. Бревна, среди которых могло застрять тело Эйнджела, сейчас плыли в сторону Понтукского водохранилища. Но это в том случае, если плотина Покойницы закрыта. Если же и она, и Понтукская плотина открыты, тело юного канадца унесет прямо в Андроскоггин. Кто-кто, а Кетчум хорошо понимал, что там его уже будет не найти.

Повар точно знал, когда сплавщики прекратили поиски. Он услышал стук багров, которые они ставили у стены столов-

---

¹ *Ваниган* — слово, перекочевавшее в английский язык из языка индейцев племени оджибве. Дословно означает «складская яма».

ского барака. Вскоре в столовую ввалилось несколько усталых рабочих. Они изрядно запоздали, но у повара не хватило духу им отказать. Кухонные работницы уже уехали домой, оставалась лишь посудомойка. Она часто задерживалась здесь допоздна. Повар Доминик с труднопроизносимой фамилией Бачагалупо (в поселке его привыкли называть Стряпун) быстро приготовил им ужин, а сын разнес тарелки по столам.

— Где же Кетчум? — спросил у отца мальчик.

— Наверное, отправился со своей рукой к врачу, — ответил повар.

— Представляю, какой он голодный. Но Кетчум чертовски выносливый, — с оттенком гордости произнес двенадцатилетний сын повара.

— Для пьющего человека он здорово выносливый, — согласился Доминик и тут же подумал: «Едва ли его выносливости хватит на случившееся».

Гибель Эйнджела Поупа сильно ударила по Кетчуму. Он сам чуть ли не с мальчишеских лет работал в лесу. Парня взял под свое крыло. Присматривал за ним. Во всяком случае, старался.

Ни у кого в здешних местах не было таких черных волос и такой черной бороды, как у Кетчума. Черные как смоль, чернее меха черного медведя. Кетчум был несколько раз женат. Дети, с которыми он не знался, выросли и ушли в самостоятельную жизнь. Кетчум же безвылазно жил в Извилистом: то в каком-нибудь бараке, то в одном из ветхих домишек, именуемых гостиницами. Бывало, он переселялся в ваниган, сооруженный в кузове его грузовика. Несколько раз он там чуть не замерз зимой, отрубившись после изрядной выпивки. Но Эйнджела к спиртному он не подпускал. И к красоткам из так называемого танцзала Кетчум его тоже не подпускал.

— Ты слишком молод, Эйнджел, — услышал как-то повар слова Кетчума, обращенные к юному канадцу. — А от этих дамочек кроме удовольствия можно получить кое-что еще.

Должно быть, Кетчум знал, о чем говорил. Повар представил, каково ему сейчас. И дело тут не в сломанном запястье. Оно-то срстется. А вот Эйнджела уже не вернешь.

Доминик готовил на стареньком «гарленде» — восьмиконфорочной газовой плите с двумя духовками и закопченным рашпером. Равномерное шипение плиты и перемигивание ее запальников служило вполне подходящим светозвуковым фоном угрюмому настроению ужинающих. Они успели полюбить Эйнджела и приняли его, как принимают прибудившего пса. Повар тоже успел полюбить его. Веселый, жизнерадостный парень. Повару хотелось, чтобы его сын вырос похожим на юного канадца. Обычно в этом возрасте подросткам свойственна замкнутость и мрачное настроение (тем более в такой глуши, как Извилистый с его грубыми нравами). Эйнджел всегда улыбался, был приветлив и любознателен.

Редкое состояние для парня, который сразу же объявил, что сбежал из дома.

— Ты ведь итальянец? — в один из первых дней спросил его Доминик Бачагалупо.

— Нет, я не из Италии. И по-итальянски говорить не умею. Разве можно быть итальянцем, живя в Торонто?

Доминик тогда благоразумно промолчал. Повар был немного знаком с нравами бостонских итальянцев, а нравы эти сохранялись и вдали от родины. Скорее всего, настоящее имя парня было Анджело. (В детстве мать называла Доминика «анджелу» — ангелочек, — произнося это имя с сицилийским акцентом и ударением на последнем слоге.)

Теперь они вряд ли узнают настоящее имя и фамилию погибшего. Среди скудных пожитков Эйнджела Поупа не было ничего, что свидетельствовало бы о его имени: ни книги с дарственной надписью, ни письма. Если у парня и имелся какой-нибудь документ, он лежал в кармане дешевеньких джинсов Эйнджела и теперь плыл в холодной апрельской воде. Если они не сумеют найти тело, семья или те, от кого парень сбежал, так и не узнают о его гибели.

Легально или нелегально, с документами или без, но Эйнджел Поуп сумел пересечь канадскую границу и добраться до Нью-Гэмпшира. Правда, сделал он это по-своему, поскольку происходил не из Квебека. Парень сразу объявил, что он из провинции Онтарио и не франкоканадец. Повар ни разу не

слышал от него французских или итальянских слов. Работавшие здесь франкоканадцы сторонились беглеца: они не жаловали англоканадцев. В свою очередь, Эйнджел тоже держался от них подальше. Похоже, он испытывал к франкоканадцам не больше симпатии, чем они к нему.

Доминик не лез к парню с расспросами. Теперь он жалел, что почти ничего не знает об утонувшем. А еще он жалел, что Дэниел (или Дэнни, как все здесь звали его сына) лишился такого замечательного товарища.

Повара и его сына в Извилистом знали все, включая и женщин. Доминик нуждался в знакомстве с женщинами — главным образом для присмотра за сыном. Десять лет назад (а кажется, прошла уже целая вечность) Доминик потерял жену.

По мнению повара, Эйнджел Поуп кое-что смыслил в кухонной работе, которую выполнял неуклюже, но без сетований. Работая, парень не делал лишних движений: следовательно, все это было ему не в новинку, хотя он без конца бубнил, что на кухне ему скучно, и умудрялся вместе с овощами резать себе пальцы.

Оказалось, юный канадец любил читать. Он брал книги, оставшиеся от покойной жены Доминика, и часто читал их вслух Дэниелу. Кетчум утверждал, что Эйнджел просто «перегрузил» Дэна творчеством Роберта Луиса Стивенсона. Он прочел сыну повара не только «Похищенного» и «Остров сокровищ», но и «Сент-Ив» — роман, который Стивенсон так и не успел закончить и который, по мнению все того же Кетчума, должен был бы умереть вместе с писателем. Перед своей гибелью Эйнджел начал читать Дэнни «Потерпевшие кораблекрушение» (Кетчум еще не успел вынести суждение об этом романе).

Каким бы ни было происхождение Эйнджела Поупа, чувствовалось, что какое-то образование он все же получил. Этим он отличался от большинства франкоканадцев (да и от большинства рабочих лесопилки и местных лесорубов тоже).

Столовая опустела. Последние посетители отправились спать, а может, пить. Обычно индианка-посудомойка заканчивала работу, когда Дэнни уже спал. Но сегодня и она управи-

лась пораньше и уехала на своем пикапе. Дэнни остался с отцом и помогал ему вытирать столы.

— Неужели Эйнджел должен был умереть? — спросил он отца.

— Дэнни, Эйнджел вовсе не должен был умирать. Это несчастный случай, которого можно было избежать.

Сын привык к постоянным упоминаниям отца о несчастных случаях, которые могли и не произойти, к его мрачным, фаталистическим рассуждениям о том, что люди подвержены ошибкам. В особенности — о юношеской беспечности.

— Он был слишком молод, чтобы соваться на лесосплав, — сказал повар, словно этим исчерпывалась вся причина.

Дэнни знал отцовские суждения обо всех вещах, для которых Эйнджел (или любой подросток его возраста) был слишком молод, чтобы ими заниматься.

Повар ни за что не согласился бы дать парню в руки кантовальный крюк (отличительной чертой этого орудия сплавщиков был шарнирный крюк, позволявший перекачивать тяжелые бревна).

Кетчум утверждал, что в «прежние дни» опасностей было гораздо больше. Например, управлять лошадьми, вытаскивая на волокушах бревна из зимнего леса, — рискованное занятие. Зимой лесорубы забирались в глушь, устраивали там лагерь и валили деревья. Еще совсем недавно единственным способом транспортировки были конные волокуши. Вот так, по несколько бревен за одну поездку. Лошади скользили по обледенелому снегу, а то и проваливались, не попадая в колеи, оставленные полозьями волокуш. Чем ближе к весне, тем опаснее становились подмерзшие за ночь дороги. А потом снег начинал дружно таять, и санные пути превращались в месиво из грязи.

Но и здесь настали перемены. На лесозаготовках появилась новая техника, способная работать и в межсезонье. Дороги стали лучше. Работа теперь велась круглогодично, и весенняя распутица уже давно не являлась помехой. А лошадей неумолимо вытесняли гусеничные тягачи.

Бульдозеры еще больше облегчили работу. Они пробивали дороги прямо к делянкам, и бревна по этим дорогам можно

было вывозить на лесовозах. Лесовозы могли доставлять лес почти к самым лесопилкам и бумажным фабрикам. Еще немного, и они вытеснят сплав по воде. Прошли времена, когда применяли стопорящие лебедки, помогая лошадям спускаться по обледенелым склонам.

— А погонщики частенько съезжали вниз на собственных задах, — рассказывал Дэну Кетчум.

Сам он предпочитал волов — те устойчивее двигались по глубокому снегу, но воловья тяга была сравнительно редкой.

Исчезли и узкоколейки, проложенные к местам лесозаготовок. В долине Пемигевассет их разобрали в сорок восьмом — в тот самый год, когда один из двоюродных братьев Кетчума попал под поезд на бумажной фабрике в городке Ливермор-Фоллс.

Паровоз производства фирмы Шея¹ весил пятьдесят тонн, и на платформах вместо бревен лежали рельсы последовательно разбираемой узкоколейки. В пятидесятые годы бывшее железнодорожное полотно укрепили бетонными плитами, и по ним пошли грузовики. Но Кетчум помнил катастрофу, случившуюся тогда на железной дороге в районе реки Биб. Сам он в то время был погонщиком и возил еловые бревна на волокушах, запряженных четверкой лошадей. Кетчум успел поработать и водителем парового тягача марки «Ломбард»². Поначалу этими тягачами управляли с помощью лошади. Ее впрягали спереди. Водитель являлся кучером. Он правил лошадью, та поворачивала передние салазки в нужном направлении, а за нею на черепашьей скорости полз гусеничный тягач и тащил груз. В более поздних моделях лошадь заменили рулевым колесом, снабженным специальными приводами. Кетчум успел поработать и на таких тягачах. Дэнни Бачагалупо не сомневался: Кетчуму здесь была знакома любая работа.

По дорогам вокруг Извилистого, где когда-то пыхтели и ползли паровые тягачи, теперь ездили лесовозы. Несколько

---

¹ Узкоколейный паровоз с прицепляемыми к нему платформами. Был сконструирован американским лесопромышленником и изобретателем Эфраимом Шеем. Такие поезда выпускались вплоть до конца 1940-х гг.

² Паровой гусеничный тягач, появившийся в самом начале XX в.

«ломбардов» просто бросили ржаветь. Один из них торчал в Извилистом, второй, опрокинутый, валялся в лагере лесозаготовителей в Западном Даммере. После того как здесь построила свою фабрику «Парижская производственная компания» из штата Мэн, поселение стали называть Парижем¹.

Близ Парижа река Филипс-Брук впадала в реку Аммонусак, которая, в свою очередь, впадала в Коннектикут. Сплавщики гнали бревна и балансовую древесину по реке Филипс-Брук до Парижа. Местная лесопилка обслуживала исключительно «Парижскую производственную компанию», изготавливавшую тобоганы. Работала она от парового двигателя, а еще раньше — от конной тяги. Впоследствии конюшню приспособили под машинное отделение. Владелец лесопилки жил здесь же, а в бараке на семьдесят пять человек размещались рабочие. Несколько отдельных домиков занимали те из них, у кого были семьи. В Париже имелась столовая, выполнявшая роль местного клуба, яблоневый сад, заложенный с надеждой на будущее, а также школа. В Извилистом школы не было, и никому не приходило в голову сажать яблони. Здесь не особо верили в то, что поселок долго протянет, и сходились во мнении: у Парижа больше шансов уцелеть и разрастись. В Париже это мнение не оспаривали, а, наоборот, всячески поддерживали.

Но по правде говоря, вряд ли какая-нибудь ясновидящая решилась бы предсказать судьбу обоих поселков. Дэнни как-то слышал от Кетчума, что и Париж, и Извилистый одинаково движутся к закату. Однако отец предупредил мальчика: слушать пророчества Кетчума не стоит, поскольку тот страдает «болезненным неприятием прогресса». Доминик Бачагалупо не был ясновидящим и сомневался в правдивости некоторых историй лесоруба.

— Дэнни, не торопись покататься на рассказы Кетчума, — так говорил он сыну.

— Так ты не веришь, что у Кетчума действительно была тетка, которая работала бухгалтером на фабрике и однажды зашла во фрезерный цех, а там вдруг обрушилась целая груда заготовок и прямо на нее?

---

¹ Париж — центр округа Оксфорд в штате Мэн.

— Дэниел, я сомневаюсь, что в Милане хоть на какой-нибудь из их фабрик есть фрезерный цех.

Кетчум знал множество таких историй. Например, про то, как молнией убило сразу четверых на плотине Даммерского пруда — самого крупного и расположенного выше остальных. Молния якобы ударила в тележку, подающую бревна.

— Одним ударом жажнуло пыльщика, наладчика и двоих подсобных рабочих, — рассказывал мальчику Кетчум. — Лесопилка сгорела дотла, прямо на глазах свидетелей.

— Удивительно, что там не оказалось никого из родни Кетчума, — только и заметил повар, когда сын пересказал ему эту историю.

Родственники Кетчума гибли исправно. Другой его двоюродный брат угодил под резак на бумажной фабрике, а дяде снесло череп, когда из распиловочного станка вдруг вырвалось бревно. Но этим запас трагических историй не кончался. Когда-то по Даммерскому водохранилищу плавал паровой буксирчик. Он транспортировал бревна к бумажной фабрике, находящейся у внешней плотины. Однажды у буксирчика взорвался паровой котел. Позже на островке в весеннем снегу обнаружили оторванное человеческое ухо. К слову сказать, от взрыва там сгорели все деревья. Кетчум добавил, что человек, нашедший ухо, потом использовал его в качестве наживки для подледного лова на Понтукском водохранилище.

— Полагаю, это тоже был кто-то из твоих? — спросил повар.

— Я не всех своих знаю, — уклончиво ответил Кетчум.

Зато он утверждал, что знает «легендарного засранца», построившего конюшню в Пятом лагере. Конюшня оказалась на возвышении, а жилой барак и столовая — внизу. Когда терпение жителей лагеря лопнуло, они скрутили эту легендарную личность, притащили в конюшню и на вожжах подвесили над навозной ямой.

— Он висел там, пока не потерял сознание от испарений, — восторженно рассказывал Кетчум.

— Теперь ты понимаешь, почему Кетчум скучает по прежним временам, — сказал сыну повар, выслушав очередную историю.

Доминик Бачагалупо тоже знал некоторое количество историй, однако большинство из них не годились для детских ушей (да и для взрослых тоже). А те, что можно было рассказывать сыну, после ярких повествований Кетчума казались Дэнни пресными. Один из отцовских рассказов был о том, как Доминик готовил тушеную фасоль. Дело происходило в районе реки Чикволнепи, близ Успешного водохранилища. Там тогда стоял передвижной лагерь. Доминик вырыл в земле яму, развел костер и вечером, перед тем как ложиться спать, поставил на угли котел, присыпав его горячей золой и землей. В пять утра, когда фасоль будет готова, повар рассчитывал вырыть ее горяченькой и пустить на завтрак. Но на завтрак ему пришлось готовить другое блюдо. Ночью из близлежащего ванигана вылез какой-то франкоканадец (скорее всего, чтобы помочиться). Было темно, а он шел босиком и угодил прямехонько в то место, где повар зарыл котел. Дело кончилось ожогом обеих ступней.

— И это все? Вся история? — попытался у отца разочарованный Дэнни.

— Это, надо думать, поварская история, — ответил за повара Кетчум, желая сказать Доминику нечто вроде комплимента.

Между тем он не упускал случая помучить повара расспросами: не с тех ли времен тушеная фасоль и гороховый суп уступили место спагетти?

— Раньше у нас здесь никогда не было столько итальянских поваров, — говорил Кетчум, подмигивая Дэнни.

— То есть ты бы и сейчас предпочел вместо вкуснейших блюд из макарон лопать тушеную фасоль и гороховый суп? — спрашивал у своего давнего друга повар.

— Ну и обидчивый у тебя папочка, — отвечал на это Кетчум и снова подмигивал Дэнни.

Нередко это сопровождалось словечком «христомзапор» — излюбленным ругательством лесоруба — и неизменным вопросом:

— Доминик, неужели ты такой обидчивый?

Да, это был апрель — время грязи и подъема воды в реке. Вода прибывала через открытый створ одного из шлюзов — Кетчум почему-то окрестил это явление «шпиндельной головкой», — скорее всего через створ в восточной части Малого Даммерского пруда. Пора и так хлопотная, а тут еще этот юнец из Торонто ковырнулся. Они его и узнать-то как следует не успели.

Вода в Извилистой поднялась не только от растаявших снегов. Отчасти этому способствовали и сплавщики. На речках, впадавших в Извилистую, были построены плотины со створами. Весной створы открывались, и вода устремлялась в основное русло. Извилистая несла бревна балансовой древесины: те, что вмерзли в лед, и те, что сваливали вдоль берегов. Если створы открывались вскоре после таяния снегов, вода неслась с бешеной скоростью. Берега были просто размолочены движущимися бревнами.

Повар считал, что название реке дали неточное: изгибов на Извилистой было совсем мало. Всего два. Местами (особенно там, где она стекала с гор) река была прямой как стрела. Однако сплавщикам с избытком хватало и этих двух изгибов: весною они рисковали каждый день, проводя по ним заторы. Наиболее опасным считался изгиб, который находился ближе к Даммерским прудам. На обеих излучинах бревна приходилось проталкивать и направлять чуть ли не вручную. Зеленых юнцов вроде Эйнджела пускать в такие места на затор нельзя категорически.

Но Эйнджел погиб не там, а на сравнительно спокойном участке. Конечно, от бревен река вздыбливалась, однако течение в том месте было вполне умеренным. На излучинах скапливались такие громадные заторы, что их рушили динамитом. Доминик Бачагалупо в этом тоже как-то поучаствовал. На его кухне звенели, гремели и плясали кастрюли и сковородки, висевшая утварь раскачивалась подобно взбесившимся маятникам. В зале со столов сбросило сахарницы и бутылочки с кетчупом.

— Твой отец — никудышный рассказчик. Но подрывник он еще более никудышный, — резюмировал Кетчум, обращаясь к Дэнни.

За поселком Извилистая несла свои воды в реку Андроскоггин. Помимо реки Коннектикут главными сплавленными артериями в северной части Нью-Гэмпшира были Аммонусак и Андроскоггин. Их обеих вполне оправданно называли реками-убийцами.

Впрочем, хватало и таких, кто утонул или был смертельно покалечен на достаточно коротком отрезке между Малым Даммерским прудом и поселком Извилистым, а также на других, спокойных участках. Эйнджел Поуп — не первый и, уж конечно, не последний.

Река рекой, но ведь люди гибли и на берегу. На той же лесопилке. А сколько лесорубов и сплавщиков в обоих поселках гибло в пьяных драках. Драки затевались в основном из-за женщин, которых на всех не хватало. Правда, Кетчум считал, что в Извилистом мало баров. В Париже их не было совсем, а все тамошние женщины являлись законными женами рабочих.

По мнению Кетчума, это обстоятельство и вынуждало мужчин каждый вечер тащиться по трелевочной дороге из Парижа в Извилистый.

— Нечего было строить мост через Филипс-Брук, — заявлял он.

— Вот видишь, Дэниел, Кетчум в очередной раз убедительно доказал, что рано или поздно прогресс нас всех погубит, — говорил своему сыну повар.

— Твой отец ошибается, — возражал Кетчум. — Еще раньше нас погубит католическое мышление. Итальянцы — католики, и вы с отцом, разумеется, тоже. Хотя вы не слишком чтобы итальянцы, да и католики не ахти. Я говорю о франкоканадцах. Вот пример католического мышления: у них столько детей, что впору давать номера, а не имена.

— Боже милосердный, — вздохнул Доминик Бачагалупо, качая головой.

— Это правда? — поинтересовался у Кетчума Дэн.

— А как ты думаешь, откуда возникло прозвище Дюма-двадцатник?

— Но у Ролана и Жоанны не двадцать детей! — не выдержал повар.

— Я же не говорю, что только у них, — возразил Кетчум. — Тогда почему этого коротышку называют «двадцатником»? Что, просто оговорка?

Доминик опять покачал головой.

— Что молчишь? — не отставал лесоруб.

— Я обещал матери Дэнни, что дам мальчику надлежащее образование, — сказал повар.

— Отлично. Я всего лишь пытаюсь помочь Дэнни с образованием, — парировал Кетчум.

— Помочь, — повторил повар, не переставая качать головой. — Твой лексикон, Кетчум...

Доминик хотел сказать что-то еще, но не сказал.

«Никудышный рассказчик и никудышный подрывник», — думал Дэнни об отце, вспоминая характеристики, выданные Кетчумом.

Мальчик горячо любил отца. Но даже он удивлялся отцовской привычке — не договаривать начатые фразы. Возможно, повар договаривал их, только не вслух.

Из женщин в столовой ели лишь индианка-посудомойка и кухонные работницы — жены рабочих лесопилки. Другие женщины появлялись здесь в основном по выходным, когда в столовую приходили или приезжали целыми семьями. У повара действовало строгое правило: в стенах столовой — ни капли спиртного. Обед (или ужин, как по привычке называли его лесорубы и сплавщики старшего поколения) подавался после наступления темноты. Мужчины с фабрики, делянок и сплава приходили трезвыми и быстро проглатывали еду, не особо разговаривая за столом. У Доминика редко засиживались или увязали в долгих беседах.

Естественно, что после работы люди приходили сюда в запачканной и засаленной рабочей одежде. От нее пахло смолой, дегтем, мокрой корой и опилками. Однако руки и лица у всех были чистыми и благоухали дегтярным мылом. Стараниями повара оно никогда не переводилось в крохотной туалетной комнате столовой. Обязательное мытье рук и лица являлось еще одним непреложным правилом в царстве Доминика. Более того, в туалетной комнате всегда висели чистые полотенца,

и это было одной из причин, почему посудомойка задерживалась в столовой допоздна. Пока подсобницы вытирали со столов и мыли посуду, индианка отправлялась в прачечную комнату и загружала дневную порцию полотенец в стиральную машину. Она никогда не сокращала время стирки. Потом перемещала выстиранные полотенца в сушильную машину и только тогда считала свою работу законченной.

Эту женщину звали Индианка Джейн, но лишь за глаза. Дэнни Бачагалупо она нравилась. И она не чаяла души в мальчишке. Джейн была на десять с лишним лет старше отца (она была даже старше Кетчума). Однажды Дэнни подслушал разговор взрослых и узнал, что когда-то Джейн потеряла единственного сына. Кажется, тот утонул в реке Пемигевассет. А может, Джейн и ее сын были родом из лесов, что простирались к северо-западу от Конвэя с его деревообрабатывающими фабриками. Чего там далеко ходить: густые леса начинались уже к северу от Милана. Лесорубы уезжали туда на работу и жили в передвижных лагерях. Мест, где можно утонуть, там было предостаточно. Из обрывков рассказов Дэнни заключил, что сын Джейн тоже сунулся на лесосплав. (Джейн объяснила Дэнни: «Пемигевассет» в переводе с языка индейцев означает «роща кривых сосен». Впечатлительный Бачагалупо-младший почему-то решил, что беда с сыном Джейн случилась именно там.)

Дэнни несколько раз пытался по обрывкам подслушанных разговоров составить более или менее ясную картину давней трагедии. Получалось плохо. Он даже не был уверен: погиб ли сын Джейн собственно во время лесосплава или же они с матерью куда-то плыли. Судя по тому, с какой нежностью посудомойка глядела на него, должно быть, и ее утонувшему сыну было не больше двенадцати. Спрашивать у Джейн он не решался. Вообще все, что он знал об индианке, являлось либо результатом его собственных молчаливых наблюдений, либо сведениями, почерпнутыми им из чужих разговоров.

— Слушай только те слова, которые обращены к тебе и тебя касаются, — предостерегал сына повар.

Он старался пресечь сыновнее любопытство и отучить мальчишку ловить обрывки взрослых разговоров.